

получил, спасибо Вам за нее и за Вашу сердечную надпись от души» («Блоковский сб.», 1, с. 546).

⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 418, л. 1—2.

⁹ Речь идет о переводе из Г. Флобера.

¹⁰ ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 40.

¹¹ С началом войны издатель «Софии» К. Ф. Некрасов был вынужден прекратить издание журнала. Об этом, ссылаясь на письмо К. Ф. Некрасова, Блок сообщал В. Н. Княжнину 30 августа 1914 г. (Письма Александра Блока. Л., 1925, с. 204).

¹² Сохранилась записка, посланная Блоку на этом вечере: «Мы ничего не повяли по латыни. Просим Ваш перевод» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 14).

¹³ В тот вечер читался доклад М. Осоргина.

¹⁴ Об этом эпизоде см. наст. т., кн. 2, с. 256.

¹⁵ Из стихотворения «Венеция» («Холодный ветер от лагуны...»).

¹⁶ «Возрождение». Париж, 1927, № 828, 8 сентября. Этот четвертый очерк из цикла «Ночные мысли» — «Воспоминания о Блоке».

IV. БЛОК И КРУЖОК «АРИОН»

3 февраля 1919 г. Блок получил письмо от П. Н. Зайцева, написанное на бланке журнала «Сирена»¹:

«Многоуважаемый Александр Александрович.

По поручению редакции воронежского журнала „Вестник Воронежского округа путей сообщения“ обращаюсь к Вам с очень большой просьбой дать для этого журнала Ваши стихи.

Я здесь, в Москве, состою представителем этого журнала, равно как и „Сирены“, и нахожусь в постоянных сношениях через „оказию“ с Воронежем. Поэтому лучше всего будет, если Вы вышлете Ваши стихи мне сюда. Немедленно по получении их я вышлю Вам гонорар (за ненапечатанные вещи 5 р. строка, за напечатанные ранее, но малоизвестные — 3 р.). Желательно ненапечатанные.

Затем позвольте обратиться к Вам с очень большой просьбой: не встречаетесь ли Вы с Ник. Клюевым? с Цензором? Если да, то передайте, пожалуйста, им, особенно Клюеву, приглашение в „Сирену“ и „Вестник“. Им гонорар 3 р. строка. Если бы они выслали также мне сюда стихи, я мог бы немедленно оплатить их.

Кроме того, позвольте еще затруднить Вас просьбой. Не имеете ли Вы у себя на виду молодых поэтов, неизвестных, но с признаками таланта. Для них страницы „Сирены“ открыты, и мне будет приятно получить их стихи, а им гонорар.

Надеюсь, я не очень затрудняю Вас этими просьбами, но иначе я не знаю, как мне быть. К сожалению, я не мог достать адреса Н. Клюева, я бы ему сам написал.

А Ваших стихов для „Вестника“ я очень жду, и надеюсь получить.

Кроме того, напоминаю Вам, что „Рабочий мир“ жив, вступил во второй год жизни и также очень бы хотел получить Ваши стихи (по новому тарифу 5 р. строка!).

Наконец, последняя просьба, касающаяся уже личного вопроса. Я пишу (не очень большое) исследование о „Соловьином саде“, который я и со мной многие считают изумительным по музыкальности Вашим созданием. Исследование, главным образом, формальное: ритм, образы и лишь в части затрагивает содержание, в котором я усматриваю нечто „антропософическое“ (в исследовании я этого слова не употребляю). Так вот мне для справки нужно было знать, в каком году эта поэма Вами написана.

Искренне уважающий Вас П. З а й ц е в ²

Блок ответил П. Н. Зайцеву 6 февраля 1919 г.:

«Многоуважаемый Петр Никанорович.

Посылаю Вам шесть стихотворений, из них: три набранных нигде не были напечатаны (это корректура моей книги, котор(ая) выйдет не ранее, чем через месяц). Три других были напечатаны в мало известных изданиях, притом — с кое-какими вариантами³.

Если пришлете мне деньги за все сразу, буду Вам благодарен. Распределяйте их между изданиями, как хотите.

Николай Клюев, по слухам, в Петербурге, но след его простыл. Я думаю, что он получит, если Вы напишете ему в Смольный, издательство Союза коммун С(еверо-)З(ападной) Области (бывш. Петросов(ета)).

Дм. Цензор секретарствует в профессиональном союзе писателей — Вас(ильевский) Остров, 11 линия, 18.

Есть теперь кружок молодых поэтов, группирующихся около Горького и издательства „Арион“. Мне лично сборник их не нравится, но, кажется, среди них есть подающие надежды.

Рад, что Вы так относитесь к Соловьиному саду, я его до сих пор люблю, хотя он дописан в 1915 году (а начат в 1914). Интересно будет прочесть Ваше исследование. Да, если хотите, „антропософическое“ (хотя я не антропософ) — в том смысле, как и некоторые из прилагаемых стихотворений⁴.

Это письмо отчасти примыкает к корпусу блоковской эпистолярной 1918—1919 гг., связанной с вопросами публикации его сочинений в периодике. Приведем одно из не введенных в оборот писем такого рода:

«13 VIII 1918

Петербург, Офицерская 57, кв. 21

Милостивый государь
Господин редактор⁵.

Газета „Жизнь“ осталась в долгу у меня рублей на 600, или более, по моим расчетам⁶. Я давно и напрасно прошу переслать мне эти деньги, что Н. Р. Кутель⁷ обещал мне сделать месяца два тому назад.

Очень прошу Вас, распорядитесь о высылке, чем очень меня обяжете. — Так как газета закрыта, то я позволю себе воспользоваться статьей „Что надо запомнить об Ал. Григорьеве“, которая, если не ошибаюсь, в газете „Жизнь“ не появилась, и напечатать ее в другом месте⁸.

С совершенным уважением Ал. Б л о к⁹

Аналогично и более раннее письмо Блока к тому же П. Н. Зайцеву как секретарю редакции журнала «Рабочий мир»:

«14 XI 1918

Пб. Офицерская 57 кв. 21.

Многоуважаемый товарищ.

Относительно стихов, может быть, Вы и правы. Другого ничего сейчас нет, чтобы послать Вам. Денег я получил за все время 40 рублей (5 сентября), пожалуйста, дошлите остальные (по Вашему расчету — 44 рубля).

С искренним уважением Ал. Б л о к

№№ „Рабочего мира“ с моими стихами тоже хотел бы¹⁰.

Однако в письме 1919 г. к Зайцеву, помимо информации, относящейся к «деловой» жизни Блока, интересна и его оценка целой группы новых поэтов.

Отношение Блока к молодым поэтам в 1916—1919 гг. было суммировано М. В. Бабенчиковым по впечатлениям от бесед с Блоком осенью 1917 г.: «Вообще к современным поэтам у него было сугубо критическое отношение, точно он нес ответственность за каждого из них»¹¹. По-прежнему, как и в предвоенные годы, Блок предостерегал начинающих поэтов от преждевременного печатания — так, отвечая на несохранившееся письмо Блока от 15 февраля 1918 г., двадцатилетний поэт Г. Р. Шомер писал: «Как и Вы, я думаю, что хорошие стихи не могут пропасть»¹².

Кружок «Арион» составил из бывших участников университетского «Кружка поэтов», группировавшегося отчасти вокруг Ларисы Рейснер¹³. В альманахе «Арион» (Пг., 1918) вошли стихи В. А. Злобина¹⁴, Дмитрия Майзельса¹⁵, Георгия Маслова¹⁶, Н. А. Оцуца¹⁷, Анны Регатт (псевдоним Е. М. Тагер)¹⁸, В. А. Рождественского и В. Тривуса¹⁹. Сборник был отмечен поощрительной рецензией Н. С. Гумилева²⁰. В январе 1919 г. поэты В. А. Рождественский, Н. А. Оцуп, Д. Майзельс и музыкант А. М. Дубянский²¹ учредили «общество искусств „Арион“»²². Почетными членами «Ариона» были избраны М. Горький, А. В. Луначарский, А. Н. Тихонов и Н. С. Гумилев. Общество провело несколько литературных вечеров — 25 апреля 1919 г. Н. С. Гумилев читал свою трагедию «Отравленная туника»²³ (в обсуждении которой приняли участие А. Н. Тихонов, В. М. Жирмунский и Адриан Лютровский); 2 мая был вечер поэзии И. Анненского (доклад В. А. Рождественского «Чувство вещи у Иннокентия Анненского» и чтение неизданных стихов Анненского В. И. Кривичем)²⁴; 16 мая Н. А. Оцуп читал доклад о «трех произведениях современности» — «Мисте-

рии-буфф», «Христос Воскресе» А. Белого и «Двенадцати» (в прениях выступали Адр. Пюстровский, В. А. Рождественский, Е. М. Геркен, композитор Н. Н. Стрельников и другие)²⁶.

С некоторыми из членов «Арiona» у Блока впоследствии установились деловые и дружеские взаимоотношения. Н. А. Оцуп посвятил Блоку в декабре 1919 г. стихотворение «Россия», в котором писал:

...Лишь Россия тобою любима,
Пулеметная лента трещит.

И не только Россия печали,
Снегом падавший блоковский стих,—
Эта, полная скрежета стали,
Пут железных и петель тугих²⁶.

Н. А. Оцуп считал себя продолжателем акмеизма и лично тяготел к Гумилеву, что, по-видимому, вызывало холодную реакцию Блока. На это, очевидно, указывают сопроводительные оговорки Оцупа при посылке им Блоку своей поэмы «Алексадрина» 5 октября 1920 г.: «Перечитывая теперь, вижу технические недостатки и буду очень признателен, если Вы, встречаясь с ними, будете делать отметки на полях. Но главное, конечно, не в этом. Главное, найдете ли Вы поэму живой, найдете ли в ней элемент героической романтики, которая, мне так показалось, созвучна с эпохой. Прочтя эти стихи, Вы поймете, почему мне, причисляемому к „аполлонцам“, важно иметь Ваш отклик на „Алексадрину“. <...> Очень прошу Вас об „Алексадрине“ пока не говорить Гумилеву и другим»²⁷. Эта апелляция Оцупа к Блоку точно обрисовывает психологическую ситуацию, в которой находились в первые послереволюционные годы многие поэты околоакмеистического круга по отношению к Блоку. О ней впоследствии так вспоминал Г. В. Адамович:

«Мечта? Но Блок не умел мечтать, он занят был делом, которое ему не казалось а priori безнадежным. Он не бывал темен искусственно, умышленно, по примеру Малларме. Он бывал темен лишь тогда, когда не в силах был перевести на внятный язык то, что хотел бы внятно сказать, и когда будто бился головой о стену своего „несказанного“... А мы с акмеизмом и цехом в багаже, мы все-таки чувствовали, что не Гумилев — наш учитель и вожатый, а он»²⁸.

Блоковская фраза о молодых поэтах, которые ему «не нравятся», по тем не менее «подают надежды», в сжатом виде определяет то двойственное отношение, которое испытывал Блок к стихотворцам акмеистской ориентации — т. е. большинству юных петроградских поэтов 1918—1921 гг.

¹ О «Сирене» см. прим. 18 к заметке «Блок — советник студенческого журнала».

² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 248. Петр Никанорович Зайцев (1889—1970) — поэт, печатался с 1913 г., с 1915 г. писал рецензии в газетах; в 1918—1919 гг. секретарь редакции журнала «Рабочий мир». Впоследствии был литературным секретарем Андрея Белого, работал редактором в Гослитиздате, занимался педагогической деятельностью (см. его автобиографию — ЦГАЛИ, ф. 1610, оп. 1, ед. хр. 6).

³ Ср. запись Блока от того же дня: «П. Зайцеву („Рабочий мир“ и „Воронежский вестник“): 1) Другу, 2) Говорят черти, 3) Говорит смерть, 4) „Пристал ко мне...“, 5) „Весь день — как день...“, 6) „Или устал ты...“» (ЗК, 449). Ранее печатались 4-е, 5-е и 6-е стихотворения (в журнале «Голос жизни», в газетах «Голос» и «Русь»). Из присланных стихотворений были опубликованы П. Н. Зайцевым в «Вестнике Воронежского округа путей сообщения»: 2-е и 3-е — 1919, № 6-7; 4-е и 6-е — 1919, № 10.

⁴ ИМЛИ, ф. 15, оп. 2, ед. хр. 21. Текст письма сообщила Е. Ю. Литвин.

⁵ Редакторами газеты «Жизнь», выходившей в Москве с 23 апреля по 6 июля 1918 г. (59 номеров), были Алексей Алексеевич Боровой (1875—1935), в чьих бумагах и сохранилось это письмо; и Я. И. Новомирский.

⁶ В газете «Жизнь» были напечатаны «Письмо о театре», «Дневник женщины, которую никто не любил», а также стихотворения «Весна» (I, II) и «О, не тебя люблю глубоко...» (№ 9, 10, 26—30, 54).

⁷ Натан Рафаилович Кугель (1871—1927) — сотрудник газеты «День», после революции — заведующий Петроградским отделением РОСТА.

⁸ Статья была напечатана в «Жизни искусства» 16—17 августа 1919 г. Обращение за экземпляром в редакцию «Жизни» было вызвано предложением А. С. Грина участвовать в газете «Честное слово». «Честное слово» (газета вне партий и направлений) выходила в Москве в 1918 г. (редактор П. Ашевский. Вышло 8 номеров).

⁹ ЦГАЛИ, ф. 139с/1023, оп. 1, ед. хр. 783.

¹⁰ ИМЛИ, ф. 15, оп. 2, ед. хр. 21. Письмо П. Н. Зайцева, на которое отвечает Блок, в бумагах Блока не сохранилось. Ср.: «4 ноября 1918 г. <...> письмо от „Рабочего мира“: стихи мои для рабочих не годятся» (ЗК, 434). В воспоминаниях о Брюсове П. Н. Зайцев рассказы-

вает о том, что «Рабочий мир» на том же основании отверг ряд стихотворений Брюсова, который спокойно отнесся к этому ostrакизму (ЦГАЛИ, ф. 1610, оп. 1, ед. хр. 7). Список стихотворений, предложенных «Рабочему миру», с отметкой, какие из них были напечатаны, приведен в записи Блока от 6 сентября 1918 г. (ЗК, 425).

¹¹ М. В. Б а б е н ч и к о в. Наброски к воспоминаниям о Блоке. — ЦГАЛИ, ф. 2094, оп. 1, ед. хр. 100, л. 152.

¹² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 468, л. 2. По-видимому, у Г. Р. Шомера и ранее был устный или эпистолярный контакт с Блоком — в письме от января 1918 г. он пишет: «как Вы признали — серьезно отношусь к стихам» (там же, л. 1).

¹³ С. В. Ж и т о м и р с к а я. Архив Л. М. Рейснер. — «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 27. М., 1965, с. 46. О «Кружке поэтов» см. также в воспоминаниях В. А. Рождественского «Страницы жизни» (М., 1974, с. 111—114).

¹⁴ Владимир Анарьевич *Злобин* (1894—1967) — поэт, в течение многих лет лично связанный с Э. Н. Гишпич и Д. С. Мережковским. В «Кружке поэтов» он представлял «антиакмеистическое» крыло, «считая это направление ложным» (В. З л о б и н. Памяти Н. А. Оцуца. — «Возрождение», Париж, 1959, № 86, с. 136). В 1919 г. Блок по просьбе Мережковского хлопотал за В. А. Злобина перед М. Ф. Андреевой (по-видимому, насчет предоставления отсрочки по военной повинности) (ЗК, 461).

¹⁵ Дмитрий Львович *Майзельс* (он же «С. Майзельс») приносил Блоку стихи 26 сентября 1914 г. (ЗК, 241). Стихи, которые он мог показывать Блоку, сохранились в почте журнала «Русская мысль» (ГБЛ, ф. 386). В 1918 г. Майзельс выпустил сборник стихов «Грюм» (вышедший под маркой того же издательства «Сиринга», что и альманах «Арион»); в 1920-е годы печатался в ряде альманахов.

¹⁶ О Георгии Владимировиче *Маслове* (1895—1920) см. примечания Е. А. Тоддеса, М. О. Чудаковой, А. П. Чудакова в кн.: Ю. Н. Т ы н я н о в. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 450—453.

¹⁷ О Н. А. Оцуце см. в публикации «Блок в поэзии его современников» (наст. том, кн. 3).

¹⁸ О Е. М. Тагер см. примечания к письму Ю. А. Никольского Л. Я. Гуревич от 29 января 1915 г. («Блок в неизданной переписке и дневниках современников» — наст. том, кн. 3).

¹⁹ О Викторе Михайловиче *Тривусе* (1895—1920?) см.: В. Р о ж д е с т в е н с к и й. Страницы жизни. «Звезда», 1958, № 12, с. 121. Посмертную публикацию стихов В. М. Тривуса см. в сб. «Литературные вечера. Вечер первый. Пгр., 1923, с. 24—25.

²⁰ Н. Г у м и л е в. «Орион». — «Жизнь искусства», 1918, № 4, 1 ноября.

²¹ Пианист Александр Маркович *Дубянский* (1899—1920) в письме к Блоку от 7 апреля 1916 г., в котором он просил предоставить ему на время «собрание сочинений» Блока, назвал себя — «Горячий поклонник Ваших сочинений» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 239).

²² «Жизнь искусства», 1919, № 65, 25 января.

²³ См. о ней: «Театр», 1936, № 9.

²⁴ «Жизнь искусства», 1919, № 123, 29 апреля.

²⁵ «Жизнь искусства», 1919, № 141, 20 мая. Доклад о «Двенадцати» Н. Оцуц читал и в августе 1920 г. в Могилеве (Н. О ц у ц. Собеседник. — «Жизнь искусства», 1920, № 559, 17 сентября).

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 53, л. 1. Помета Блока: «Получ(ено) 10.XII.1919».

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 53, л. 4—4 об.

²⁸ Г. А д а м о в и ч. Комментарии. Вашингтон, 1967, с. 175. В январе 1916 г. Г. В. Адамович писал Блоку в ответ на письмо с оценкой его сборника «Облака»: «Я Вам очень благодарен за Ваше письмо. Меня оно не обрадовало, конечно, но я понимаю, что Вы правы. Я ведь и не думал, правда, что эти стихи могут Вам нравиться. Все очень верно, что Вы говорите — и „позы“, и „уточненности“, и „кому какое дело?“. Только когда я стараюсь читать свои стихи, как чужие, я понимаю, что основное в них — скука, и значит, они просто пустые стихи. Но я их очень любил, когда писал, и правда, писал без равнодушия. Простите, что я занимаю Вас такими для Вас нейтральными вещами. Так много значит, с кем встречаешься и говоришь, кому читаешь стихи и кого слушаешь. Для меня Ваше письмо — совсем новое и непривычное, просто по подходу. Вы смеетесь над „пэонами“, — а Вы ведь знаете, что почти всегда только о них говорят.

Мне все-таки очень больно, если в моих стихах нет ничего. Я так ведь знаю, что живу „в комнате“ и что никогда мне не „раскачаться“, чтобы дух захватило, — не выйдет, и не знаю, как. Мне всякий подвиг представляется (лично для себя) чуть смешным, — что же я буду делать, если все брошу и изменюсь, и забуду свою городскую жизнь? В таких формах, совсем реальных, только и могу себе представить, — и знаю, что меня просто не хватит. Вот, может быть, стихи и есть попытка устроиться иначе.

Я пишу Вам и чувствую, что и это для Вас — только „жеманство“, конечно. Но я Вас так давно люблю — ведь и мне приятно чувство, что пишу Вам и никому другому. Простите, что надоедаю» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 20, лл. 4—5 об.). Блоковское письмо, о котором идет речь в письме Адамовича, утрачено; много лет спустя Адамович воспроизвел по памяти последнюю его строчку: «Раскашнитесь выше на качелях жизни, и тогда вы увидите, что жизнь еще темнее и страшнее, чем кажется вам теперь» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1, с. 475). В мае 1918 г. Г. В. Адамович писал Блоку: «Мне сейчас, в этом письме, невозможно говорить, что для меня с „Двенадцатью“ связано и как я „привязан“ к ним» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 20, л. 7).